

Марта Еронакова
Год Инвера

16+

Марта Дмитриевна Еронова

Год Инвера

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64331797

SelfPub; 2021

Аннотация

Продолжение книги "Легенда о Светлом клане". Избранные были вынуждены расстаться на год, чтобы закончить свои земные дела и быть готовыми противостоять извечному злу. В волчьей стае – волчьи законы. Он рос, стремясь быть лучшим и мечтая стать вожаком. Но возвращение домой пошатнуло его уверенность в правильности выбранного пути. Когда выясняется, что его рождение окутано ложью, когда соплеменники сомневаются в каждом его поступке, а самыми верными друзьями оказываются те, кого он всегда презирал, – тогда для Инвера наступает час принять нового себя.

Содержание

Клир I	4
Клир II	26
Клир III	39
Клир IV	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Марта Еронова

Год Инвера

Клир I

Волк, суетливо работая лапами, вылез из норы и отряхнулся. Казалось, пещере надоело то, как неспешно шел по ней легат, и она захотела закрыться прежде, чем тот выберется наружу. Инвер с интересом обнюхал участок земли, который только что служил лазом – а сейчас на нем уже росла трава и готов был распуститься колокольчик. Затем он попытался покопать эту землю, но почва ничем не отличалась от любой другой. Волк усмехнулся и огляделся. Березы и осины тихо шелестели, тревожимые теплым летним ветром. Большой жук врезался в воина, упал на землю и долго сучил лапками, пытаясь перевернуться. Инвер съел его. До чутких ушей его доносились звуки перестукивания дятлов, песня лазоревки, топок маленьких ежиных лапок – словом, обычные умиротворяющие лесные звуки. Но Инвера они не успокаивали, напротив, он напряженно осматривался и прислушивался к каждому шороху. Он не знал лес вокруг, не помнил эти деревья, и запахи, приносимые ему ветром, не говорили ни о чем.

«Я не был дома пять лет, но не могло здесь всё так изме-

ниться. Да и я не мог забыть этих мест. Первое время вдали от дома, стоило мне лишь закрыть глаза, я видел наши леса, нашу реку. Они навсегда в моем сердце. Это точно не территория стаи. Почему Камень Всех Дорог вывел меня сюда?».

Тут у зверя заурчало в пустом со вчерашнего дня животе. Он застыл, сомневаясь.

«Это не моя территория. Если я встречу ее хозяина, не будет ли у меня проблем?».

«Проблемы у тебя точно будут, если ты встретишь ее хозяина голодным и обессиленным».

Волк кивнул голосу, внезапно зазвучавшему в его голове, и решил немного поохотиться. Скоро судьба и чуткий нюх преподнесли ему подарок в виде жирного зайца. Волк уже доедал его, как вдруг что-то хрустнуло в нескольких метрах за его спиной. Не выдавая себя, волк чуть повел ухом. Ветер дул Инверу в морду, и он не мог разобрать запаха незнакомца.

«Он либо безумный, либо очень сильный, раз решил поохотиться на волка. И то, и то другое не слишком меня радует. Я надеялся хоть немного освоиться в новой обстановке».

«Стареешь», – насмешливо ответил ему голос в голове. Легат презрительно хмыкнул.

«Прежде чем лезть в драку, всегда стоит удостовериться, что победишь в ней».

«Скучно», – зевнул голос и замолчал.

Зато заговорил его преследователь. Точнее, завыл. Инвер

вскочил, не веря своим ушам. Так приветствовали друг друга волки его стаи.

Позади него, метрах в пятнадцати стоял невысокий щуплый волк, грязно-бурого цвета, и нетерпеливо переминался с ноги на ногу. Инвер издал ответный вой, показывая, что он имеет добрые намерения, и звери подошли друг к другу.

– Инвер! Брат! Как я рад тебя видеть! – голос воина был высоким, почти детским, а синие глаза светились настоящей радостью от встречи. – Я даже начал переживать. Уже почти все собрались, а тебя все не было и не было.

– Здравствуй, Гинко. Были... дела, – Инвер отвел взгляд. Гинко подозрительно прищурился, но тут вновь разулыбался, показывая, что его нисколько не обижает скрытность брата.

– Ах да, ты как всегда, в себе и своих планах. Всегда был слишком серьезным.

– Зато вы с Герой были шепутными, – усмехнулся легат, вспомнив, как однажды Гинко и их общая сестра свалились в канаву во время паводка. Оба извозились в грязи, и по дороге домой, понимая, что терять им уже нечего, извалялись в опавшей листве и перьях и подкараулили в таком виде Инвера, который после этого еще несколько дней заикался. – Ты ее видел, кстати? Она вернулась.

– Не видел, но учуял ее след пару дней назад. Почему спрашиваешь? Вы не особо ладили перед расставанием.

– Нет, но многое изменилось. Я изменился.

«Или хочу в это верить».

– Думаю, все мы изменились за это время, – бурый волк потупил взор.

– Может, двинемся к дому, и по дороге ты мне все расскажешь? – предложил Инвер и встал.

– Да нет, – Гинко склонил голову еще ниже. – Я не пойду.

– Но почему? – вскинулся черный зверь и попытался заглянуть в глаза брату. – Ты не собираешься соревноваться за звание вожака?

– Нет, – Гинко почесался и смущенно улыбнулся. – Эти игры во власть... они скорее для тебя или Харона. Я уже обрел свою стаю.

– Объясни, – нахмурился черный волк.

«Ты правда не понимаешь или придуливаешься?», – насмешливо спросил голос.

«Заткнись».

– Пойдем лучше покажу. Не озирайся так, это ничейные земли. Тут можешь ходить любой, кто захочет.

– Именно поэтому и стоит озираться, – пробурчал воин.

Какое-то время они шли по лесу. Легат всюду чуял запах брата, где-то к нему примешивался второй запах, но не волчий. Это напрягало Инвера.

Дойдя до спуска в овраг, Гинко предупредил.

– Прежде чем ты увидишь... Я знаю, твое отношение к этому. Можешь осудить меня, высказать все, что обо мне думаешь, но после, когда мы уйдем. Ее не тронь. Она хорошая,

и я люблю ее. И сцеплюсь за нее с кем угодно, даже с тобой.

Инвер многозначительно вскинул бровь. «И это мой тихий и спокойный брат. Кто же там у него?».

Бурый волк нырнул в ход, позвав брата за собой. Воин немного замешкался, пытаясь протиснуться в лаз – брат был намного меньше его и проход быть ему под стать, а вот крупные бока Инвера с трудом вмещались туда. Он тихо выругался, когда ветка впилась ему в пах, и ввалился внутрь. В полумраке скрытого листвой оврага Инвер не сразу разглядел испуганно прижавшуюся к брату собаку, что-то прятавшую за своей спиной. А когда разглядел, то не смог сдержать разочарованный выдох.

– Приветствую.

Белая с крупными черными пятнами собака тихо тьякнула и вильнула хвостом. Инвер поморщился.

– Сара, это мой брат Инвер. Инвер, это моя жена Сара.

Сара склонила голову на одну, на другую сторону. Висячие черные уши ее смешно колыхались при каждом движении. Гинко склонился за супругой и, несмотря на ее протестующий скулеж, вытащил маленького лопоухого щенка, и положил его перед братом. По традиции волк должен был лизнул того в лоб. Инвер сцепил зубы и коротко ткнулся носом в ребенка. Щенок чихнул и перевернулся на спину, подставив волку беззащитное пузико. «Никаких инстинктов».

– Его зовут Марти. Он мой сын. Вот, собственно, вся моя стая. И мне достаточно, Инвер. Мне не нужна вся та кровь

и грязь, которая сейчас начнется. Но ты другой, ты рожден для борьбы и для побед. Даже не смотря на...

Марти перевернулся и попытался напасть на хвост волка. Инвер раздраженно выдернул его из крошечных зубиков и обернул вокруг лап, показывая, что не намерен играть. Сара поспешно оттащила щенка в сторону и начала вылизывать.

– В общем, иди и побеждай, – продолжил бурый волчок. – Лучшего вожака стае не надо. Удачи, брат.

– И тебе удачи, вожак Гинко, – усмехнулся Инвер. Они коротко твякнули, прощаясь, волк вылез из оврага и задрал морду к небу, пытаясь сориентироваться по звездам. «Луна всегда приведет своих детей домой», – прозвучали в его голове слова отца. Волк прикрыл глаза и тут же понял, куда ему надо бежать.

Он уже полдня сидел у границы территории своей стаи, но так никого и не встретил. Раньше его отец отправлял дозорных проверять границу дважды в день – и не дай Единый там обнаруживался след чужака. Волки его отца были известны тем, что были готовы до последней капли крови защищать свою территорию. И поэтому волк ждал, не смея заходить дальше помеченных деревьев. Лишь когда живот его вновь начала сводить голодная судорога, а в голову закралась мысль вновь уйти на ничейные земли и поохотиться, тогда вдалеке раздались голоса. Инвер вскочил и протяжно завыл. Ему ответили и вскоре к зверю подбежали двое волков.

– Назовись! – воскликнул волк постарше, серая морда которого была испещрена множественными шрамами. Инвер знал, что этому волку ему представляться не надо, но того требовали традиции, и потому зверь выпрямился, поднял гордо посаженную голову и пророкотал.

– Инвер, сын Тагира, внук Асмала. Пришел по зову Луны.

– Добро пожаловать в стаю, – склонил голову серый.

После того, как все условия были соблюдены, волки смогли расслабиться и по-дружески потолкаться. Старый волк был братом отца Инвер, а значит, его дядей. Звали его Кинчир, про прозвищу Рваный, данному ему за многочисленные шрамы, полученные им в жестоких боях за территорию. Маленький Инвер восхищался Кинчиром, его неутомимостью и отвагой. И никак не мог понять, как у такого славного воина мог родиться такой слабый ребенок. Сын Кинчира, Погар, стоял тут же, смущенно улыбаясь. Инвер едва кивнул ему. «Так и не вырос. Жаль его».

– Как ты возмужал, Инвер. И получил несколько десятков новых отметин, как я посмотрю, – волк ткнулся носом в шрам на ноге воина.

– Но до тебя мне все равно далеко.

– Не гонись за шрамами, – серьезно ответил старый воин. – Они сами найдут тебя, поверь. Но барышень они привлекают, с эти не поспоришь.

Погар сдавленно хихикнул. Инвер смущенно помотал головой. «Венус на это повелась?».

– Дело даже не в них. Но да ладно. Вы проверяете территорию?

– Уже заканчиваем. Можем пойти домой, думаю, ты соскучился.

– Идем! – легат нетерпеливо переступал задними лапами. – Мне не терпится увидеть Скалу.

Волки двинулись внутрь территории. По дороге им встречались другие члены стаи, которые, впрочем, только здоровались, не останавливаясь поболтать. «У меня было не так много друзей до ухода из дома. Скорее, у меня вообще их не было. Так, несколько человек, которые общались со мной и не более».

Наконец, они пришли на стоянку стаи. Раньше здесь добывали камень, и углубления и уступы, оставленные кирками и лопатами, служили волкам лежбищами и убежищами. Над поляной высилась Скала, с которой вожак руководил стаей. Скала скрывала в своих недрах сеть пещер, одна из которых считалась у волков священной. Там проходили ритуалы.

– Иди к вожаку. Он у себя, – сказал Кинчир и отошел от волка.

Перебросившись на ходу парой фраз со знакомыми волками, Инвер взбежал по скале и нырнул в неприметный лаз, ведущий в пещеру его отца. На пороге он помедлил, вопросительно тявкнув.

– Заходи, – услышал он в ответ низкий рокочущий голос

отца.

В пещере было светло благодаря солнечным лучам, льющимся в отверстие в стене пещеры. Однажды Инвер спросил отца, зачем пользоваться узким лазом, если есть это широкое окно. Тогда Тагир предложил ему вылезти из окна и попытаться спуститься со скалы. Как только щенок высунул морду и посмотрел вниз, голова его закружилась, и он поспешил спрятаться. Спуска не было, а значит, не надо было волноваться, ожидая незваных гостей.

Инвер склонил голову перед серебристым волком, величественно возлежавшем на подушке из травы и мха. Тагир кивнул в ответ.

– Еще один мой ребенок вернулся. Я рад видеть тебя, Инвер.

– Я рад снова быть здесь, отец.

Тагир потянулся и встал. И тут же оба волка застыли в недоумении. Детской мечтой Инвера было стать таким же большим как его отец. Но вот они стоят рядом, и Тагир достаёт сыну лишь до холки.

– Однако. Ты очень вырос.

Инвер кивнул. С грустью он начал замечать, как одряхлел отец. Мышцы его уже не распирали шкуру, шерсть свалялась, а на морде появилось множество седых волосков. Шерсть Тагира раньше отливала серебром, что дало ему в свое время прозвище Серебряный Принц, которое непременно останется в сказаниях племени, но теперь серебро

разбавляла седина. Инверу отчего-то стало неловко за свое холеное тело и лоснящуюся шерсть. «Теперь я понимаю выбор Луны».

– Многие ли уже вернулись?

– Практически все. Остался лишь Харон, сын Финны, и Гинко.

– Гинко не придет.

Тагир вопросительно склонил голову.

– Он нашел свое счастье там, на ничейных землях. Думаю, там ему действительно будет лучше, – Инверу неприятно было признавать, что один из волков смог променять стаю на собаку.

– Что ж. Твой брат никогда не был бойцом. Сейчас ему пришлось бы тяжело. Тогда дождемся Харона, и можно будет созывать совет. А сейчас можешь идти.

Инвер вновь поклонился и вышел из пещеры. Такой разговор между отцом и сыном, не видевшимися много лет, мог показаться кому-то слишком сухим и коротким. Но Инверу этого было достаточно. В его стае не привыкли говорить – скорее делать. И сейчас волку даже подумалось, что с возрастом отец стал более болтливым.

На поляне бурлила жизнь. Волки окружили вновь прибывших и наперебой расспрашивали их о тех пяти годах, проведенных вдали от дома. Инвер подошел к собравшимся. Речь держал Олеан, приземистый рыже-бурый волчок, который был всего на пару лет старше Инвера, но выглядевший

как старый вояка.

– ...когда я пришел к галифаксам, у них и сомнений не возникло. Сразу взяли меня на службу.

– О, я тоже служил у галифаксов! – встрял Инвер. Остальные едва повели ухом в его сторону. Старый волк, Прокан, обернулся к легату, подслеповато сощурившись оглядел его и пробурчал.

– Не помню я тебя чего-то. Ты точно наш?

– Точно, – прошипел Инвер. «Наверное».

Он отошел от рассказчика и окружившей его толпы. «Даже там, где все друг другу чужие, я – самый чужой». Инвер решил прогуляться. Выйдя за пределы стоянки, он остановился, размышляя, куда отправиться. «Неужели никто не рад меня здесь видеть? Хотя... одному человеку точно уже все равно». Он обогнул лагерь и начал углубляться в лес. Вскоре по обеим сторонам от тропинки начали появляться странные холмики. Некоторые из них уже почти осыпались и были покрыты лесными травами, другие еще сохранили свой вид. Инвер с удивлением заметил свежесасыпанную могилу. Наконец, он нашел нужную. Над старой, но ухоженной могилой, склонилась маленькая бурая волчица. В пасти она держала букетик васильков. Глаза ее были прикрыты, а уши прижаты к голове. Инвер встал возле нее и, ткнувшись носом в землю, замер. Закончив молитву и будто выйдя из транса, он выпрямился и огляделся. Волчица сидела чуть поодаль и ждала его.

– Здравствуй, Гера.

– И тебе привет, Инвер, – волчица старалась вести себя сдержанно, но периодически хвост, так и стремившийся пойти гулять из стороны в сторону, выдавал ее радость от встречи. Инвер усмехнулся про себя.

– Я... – слова путались на языке, не желая быть произнесенными вслух. – Рад тебя видеть. Прости за все то, что наговорил тебе перед расставанием. Я был неправ.

Волчица изумленно подняла бровь и подошла к волку.

– Неожиданно. Я уже давно не злюсь на тебя, брат. Тем более, ты оказался прав. Он был обычной шавкой. Не знаю, что я в нем нашла.

– Это был твой выбор. Я не имел права вмешиваться.

Гера ткнулась носом в бок черного зверя и вдохнула родной запах. Волк положил морду ей на спину, отчего хрупкая девушка слегка присела на задних лапах.

– Что-то в тебе изменилось. Не знаю, что. Но ты вернулся совсем другой.

Инвер усмехнулся. Отчего-то оба они обернулись на могилу.

– Я бы понравился ей таким?

Гера отвела глаза.

– Не думаю, что дело было в тебе. То есть, в тебе, конечно. Но мама... так относилась к тебе не потому, что ты был недостаточно хорош. Из нас троих ты был лучшим. Тут что-то другое. Но что... мы никогда не узнаем. Почему Луна ре-

шила забрать ее так рано?

Глаза Геры затуманились. Младшая сестра всегда была больше остальных привязана к матери. Когда Гинко и Инвер уже рвались пойти на настоящую охоту, Гера только-только перестала бояться засыпать без матери. И поэтому ее раннюю смерть волчица переживала очень тяжело. Инвер попытался сменить тему.

– Может, расскажешь, чем ты занималась это время?

– Я? – встряхнулась Гера. – Я отправилась в Обитель.

– Серьезно?! – Инвер даже сел от удивления.

– Да. Ты забыл, что твоя сестра была немного того? – засмеялась Гера. – Знаешь, там еще лучше, чем рассказывают. Все действительно живут друг с другом в мире – волки и зайцы, лисы и мыши, медведи и...

– И пчелы? – не удержался воин. Гера разочарованно цыкнула языком и пихнула брата в бок.

– Тебе лишь бы осмеять. В общем, так все в мире живут. Мне ни разу не захотелось поохотиться, представляешь?

– Шок. Ты же такая прожорливая! – присвистнул Инвер. – Как же ты продержалась на травках?

– Продержалась, – прошипела Гера и куснула воина за хвост. «Будто щенки дурачимся».

– А Старец? Он существует?

– О да. Меня допустили к нему только в последние полгода. Но мне и этого хватило, чтобы понять – мне никогда не стать вожаком.

– Что? И ты тоже... Ты же знаешь про Гинко? – отчего-то лапы воина начали неметь.

– Да, я видела их издалека по дороге сюда. И сразу все поняла. Знаешь, мне даже в какой-то момент захотелось остаться с ними, – волчица мечтательно улыбнулась. – Но потом я подумала, что буду только мешать.

– То есть я единственный ребенок нашего отца, кто войдет на совете в Лунный круг?

– Ну, ещё есть Харон... – протянула девушка и отчего-то нахмурилась. Инвер решительно помотал головой.

– Он ещё не вернулся, да если совсем строго, то он не ребенок, а племянник. Сестра отца, Финна, оставила ребенка и покинула стаю почти сразу же после его рождения. Мы даже не знаем, кто его отец.

– Но Тагир взял его на воспитание и объявил своим сыном.

– Ладно. Луне все равно, сын вожака ты или нет. Главное, что не полукровка. Идем домой.

По дороге они болтали о прошедших пяти годах, смеялись и толкались. Инвер удивился, как его сестра, сохранив детскую наивность и жизнелюбие, стала такой мудрой и рассудительной. Гера решила потратить отведенное время на то, чтобы увидеть мир, хоть небольшую его часть. Она рассказывала о своих приключениях – не всегда счастливых, но каждую историю превращала в жизненный урок. Все она считала опытом, без которого Гера не была бы Герой.

«Научиться бы мне так относиться к трудностям и неудачам».

«Кто мешает? Опыт – это просто совокупность разочарований, не помню, кто так сказал. Измени название – суть останется той же».

«Ты не прав».

«Конечно, правым можешь быть только ты».

С последними лучами солнца, когда стая уже укладывалась спать, а Инвер и Гера, сидя под кустом малины, делили на двоих кролика, пришел Харон. Белоснежно-белая шерсть его была уложена шерстинка к шерстинке, а голубые глаза светились даже в полумраке. Он степенно вошел на поляну и замер, позволяя всем обратить на себя внимание. Поляна затихла на секунду – и взорвалась десятком голосов, приветствовавших воина. Тот широко улыбался, оскалив ряд белоснежных зубов, и пытался обнять сразу всех.

– Такое ощущение, что его отец – облако, – шепнул Инвер сестре, прежде чем они подошли к названному брату для приветствия.

– Гера! Инвер! – Харон обтерся о родственников, оставляя на их темной шерсти частички себя. – Я так рад видеть вас! Скучал невыносимо.

Тут кто-то привлек его внимание, и белый волк умчался к новому знакомцу.

– Он не изменился, – закатила глаза Гера. – Везде и со

всеми.

– Стая любит его, – задумчиво протянул волк. – Чего нельзя сказать обо мне.

– Это не главное. Станешь вожаком – полюбит.

– Ты так уверена в этом?

– А как иначе? Ты самый рассудительный и мудрый среди всего молодняка. А теперь еще и самый здоровый. Серьезно, как так, ты раза в два больше меня! – она попыталась перепрыгнуть брата, но задние лапы ее зацепились за его хребет, и волчица растянулась под его лапами. Зверь наклонился, схватился зубами за ее холку и поставил волчицу на ноги.

– Не переживай, в человеческом облиции, я все тот же коротышка, – он хотел сказать что-то еще, но заметил движение на скале и прервал сам себя. – Смотри!

Волк поднял морду, указывая Гере на скалу, на которую выходил Тагир в сопровождении Кинчира. Сейчас, возвышаясь над своей стаей, Тагир вновь показался легату самым величественным из всех видимых им волков. Легат поспешил подобраться поближе к скале. Но это было не обязательно. Вожак заговорил, и голос его был подобен грому.

– Моя стая! Сегодня знаменательный день. Наши дети вернулись домой. Пять лет назад Луна скрыла от нас свой облик на пять дней. Это значило, что мое время, время вожака Тагира, Серебряного Принца, подошло к концу. Все молодые волки, от 13 до 18 лет, покинули тогда нашу обитель, чтобы вернуться сюда возмужавшими, окрепшими и

повзрослевшими воинами. Сегодня они предстанут перед нами и перед ликом Луны. Сегодня наша покровительница решит, достойны ли они сражаться за мое место. И в следующий месяц эти достойные должны будут пройти испытания, чтобы доказать своей стае, что они вправе возглавлять ее. Все, кто считает себя равным мне, пройдите в священную пещеру.

Тагир начал спускаться со Скалы. Инвер заметил, что рядом, настолько близко, чтобы в любой момент подхватить оступившегося брата, шел Кинчир. Легат огляделся. Пять или шесть волков двинулись в сторону пещеры. Белое облако шло впереди всех.

– Чего ты ждешь? – раздался над ухом голос Геры. – Иди же.

Инвер кивнул и примкнул к остальным.

Пещера встретила их морозной свежестью. Мхи, покрывавшие ее стены, слабо светились голубоватым светом, а вода подземных источников, пробивавшаяся кое-где маленькими ручейками, холодила лапы. Молодые волки столпились вокруг старших, невольно ежась от холода, некоторые жались друг к другу. Инвер посмотрел наверх. Отец стоял точно под круглым отверстием к крыше пещеры. Вскоре в нем должна была появиться Луна.

– Подойдите ближе, сыны и дочери стаи!

Любопытствуя, Инвер огляделся. Дочь здесь была только одна – Фрея, ребенок обычных волков стаи. В детстве они с

Инвером даже дружили, но потом ее внимание, как и внимание всех детей стаи, захватил Харон. И Инвер вновь остался одинок. Потом, правда, он нашел общий язык со своей сестрой, но и с той серьезной поспорил, когда та влюбилась в бродячего пса, который совершал набеги на их земли.

Остальных претендентов Инвер тоже узнал и не обрадовался. Все они были друзьями Харона и сейчас ободряюще улыбались ему, будто он уже победил.

– Семь вожаков, не по закону, но по духу стоят передо мной. Каждый из вас достоин. Каждому из вас я бы с удовольствием прямо сейчас вручил бы трон. Но я простой смертный. Мне не видны ваши мотивы и мысли. Но Ей ведомо все. Встань возле меня, слуга стаи, и докажи Луне, что достоин называться вожаком.

Первым к Тагиру выдвинулся Харон. Едва он коснулся носом носа старика, как того требовал обычай, как Луна вышла из-за туч. Свет ее проник в пещеру через окно в потолке и озарил двух воинов. На мгновение Инверу показалось, что сама Луна упала в пещеру – так засветилась шерсть Харона.

– Луна благосклонна к тебе, – пророкотал Кинчир. Харон поклонился и отошел. Луна вновь спряталась. Инвер хотел было пойти следующим, но его оттолкнул Мизай, поджарый черно-бурый волчок, лучший друг Харона. Вновь вышла Луна. Мизая допустили до соревнований. Таким же образом вышли и все остальные. Инвер никогда не слышал, чтобы на первом этапе борьбы за власть кого-то не допускали. Пройти

испытание Луной было просто. Достаточно было иметь чистую кровь и намерения. Но все равно, последним подходя к отцу, Инвер сильно нервничал. От страха он закрыл глаза. Нос его ткнулся во влажный нос Тагира, и тут же в пещере раздался испуганный вздох десятка волков. Волк распахнул глаза.

Кроваво-алый свет заливал пещеру. Легат поднял морду кверху. Оттуда на него смотрел ярко-красный, воспаленный от ярости глаз Луны. Волк обернулся к собратьям. Те медленно отступали от него вглубь пещеры. Кто-то глухо зарычал. «Проклятый», – разобрал воин голос, полный ненависти. Ища поддержки, Инвер повернулся к отцу и наткнулся на устало-спокойный взгляд желтых глаз.

– Что происходит, отец? – прошептал легат.

– Что должно, – голос вожака обволакивал и успокаивал. – Идем со мной.

Волки вышли из пещеры, прошли мимо изумленных наблюдателей и зашли в убежище вожака. Отец тут же заговорил:

– Когда Луна больше не сможет взирать на боль и страдания своих детей, она выколет себе глаза. Тогда и явится несущий в себе кровь двух родов и увидит новый путь для сирот.

Легат ждал, что воин скажет что-то еще, но вожак замолчал, глядя на сына, будто ждал его реакцию.

– Ты о чем, отец?

– Ты тот, кто возглавит стаю. Новую стаю.

– Несущий кровь двух родов... это же не значит...

Инвер, каким бы самообладанием он не обладал, начал паниковать.

– Да, Инвер, – воин подошел и положил лапу на плечо парня. – Окара, какой бы прекрасной супругой и матерью она ни была, не имеет к тебе никакого отношения. Конечно, она вскормила и вырастила тебя, пока чумка не унесла ее. Но сделала она это лишь из любви ко мне. Я не знал своих родителей, и потому любил в этой жизни лишь двух женщин. Окару и Таору, твою мать.

– Она не волк, – это был не вопрос, но вожак кивнул.

– Она собака. Но таких нечистокровных, как она, я не встречал ни разу ни до, ни после этого. Мы встретились в столице, не помню уже, почему я там оказался. Мы провели вместе всего одну ночь. И в эту же ночь мне приснился сон. Наша скала, стоящий на ней силуэт могучего черного волка и кровавая Луна, встающая позади него. В моей голове прозвучало это пророчество, и я проснулся. Мы расстались, как мы тогда думали, навсегда. Но слова из сна никак не шли у меня из головы. Поэтому когда спустя несколько месяцев Таора принесла тебя, еще слепого, к границе, я ни секунды не сомневался. Ты был черен как смоль, а лобастая голова пророчила, что ты вырастишь просто гигантом. Окара должна была ощениться со дня на день. Я уговорил ее выдать тебя за своего щенка, чтобы никому ничего не объяснять. Да-

же твою шерсть волки объяснили тем, что дед Окары имел прозвище Беззвездный, настолько черной была его шерсть. Люди вообще склонны придумывать объяснения там, где их об этом даже не просят.

– Но я мог вырасти непохожим на волка, – возразил легат.

– Когда ты увидишь свою мать, ты поймешь, почему я этого не боялся.

– Когда? Я обязательно должен встретиться с ней?

– Именно. Ты должен найти ее. У нашего рода сейчас все хорошо, а значит, боль и страдания пришли в ее семью. Отправляйся в столицу, разыщи свою мать и помоги ей.

– Но битва за звание вожака... – Инвер не ожидал, что его голос прозвучит так жалобно.

– Я знаю, ты жил этой мечтой. Но у тебя иная судьба. Кто знает, может, лучшая, чем ты рассчитывал.

Инвер подавил разочарованный вздох.

– Как хоть выглядит она?

– Посмотри на себя и увидишь ее. Отправляйся. Я скажу стае, что ты увидел дурной знак и решил временно покинуть нас.

Инвер вышел из пещеры и, прячась от поджидающих его соплеменников в тени скалы, покинул лагерь. Идя, не разбирая дороги, прочь от стоянки, он вскоре набрел на небольшое лесное озеро. «Посмотри на себя и увидишь ее». Волк всмотрелся в темные воды. Оттуда на него смотрел огромный зверь с испуганными детскими глазами.

– Столько лет взращивал в себе самодостаточность. Гордился чистотой крови. А на деле гордиться нечем. Полукровка. Сытое спокойное детство ничему тебя не научило. Анагон, Рейгар, даже Венус претерпели столько лишений и остались адекватными людьми. Они были готовы научить тебя столькому... они не ввали тебе.

Волк вспомнил, как однажды Эней сказал ему «Привыкай, я тебе врать не собираюсь».

«Он все знал. Но почему не говорил?».

«Разве его это дело? И потом, скажи он тебе, что ты нечистокровный, ты бы ему поверил?».

«Нет. Скорее просто бы подрался с ним».

Волк внимательно взгляделся в свое отражение. Ничто не выдавало в нем собаку.

– Если отец не расскажет всем, а я быстро управлюсь с проблемами матери... Таоры, то я могу успеть поучаствовать в последнем испытании. По сути, оно самое важное, остальное больше представление.

Инвер поднял голову к небу. Луна вновь была ярко-желтой и насмешливо смотрела на зверя сверху.

– Ты подвела меня сегодня. Но я все еще верен тебе. Веди меня к матери.

Клир II

До Конора Инвер добрался к обеду следующего дня. Перекусив в какой-то таверне, остаток дня волк потратил на то, что бродил по самым значным и заброшенным улицам столицы. Пару раз к нему пристали личности сомнительного внешнего вида, но ни одной собаки он не встретил. Зато кошек и крыс здесь было в изобилии. «Съели они собак, что ли».

Уставший и злой, ужинать Инвер отправился в ту же таверну. Там, пока он расправлялся с курицей, к нему подседа легкомысленного вида девица.

– Скучаешь? – томно протянула она.

Волк оглядел ее. Выбеленные какой-то кислотой жидкие волосы, неумело ярко намалеванные глаза и губы, кофточка, едва прикрывавшая то, что должна была прикрывать, и набедренная повязка вместо юбки. Инвер знал, что где-то должен быть хозяин этой девушки. Обернувшись как бы невзначай, он увидел напротив сурового вида мужчину, неотрывно следящего за ними. С ним за столиком сидела еще одна девица, только с ярко-рыжими волосами. «Прогодали с тем, кого отправить. Мне нравятся как раз рыжие».

– Не настолько, чтобы прибегать к твоей помощи, – зверь отвернулся и вновь вгрызся в куриное бедро.

Девушка надула пухлые губки, но ответила совершенно

спокойно.

– Вот и слава древним. Если честно, ты меня пугаешь. Но он сказал, и мне пришлось к тебе подсесть. Ты не против, если я немного посижу с тобой? Нет сегодня никакого настроения притворяться перед всякими уродами. Сделай вид, что я тебя заинтересовала, а потом как будто прогонишь меня.

Инвер усмехнулся.

– Вот и умница. Дай выпить.

Не дожидаясь разрешения, она взяла стакан волка и отхлебнула из него. И ничуть не поморщилась. «*Уважаю*», – пронеслось в голове у волка.

– Давно в городе? – продолжила светскую беседу барышня.

– И да, и нет. Я служил здесь раньше.

– Легат? – удивленно приподняла бровь девушка.

– Ну да, а что не так? – Инвер невольно приосанился и вытер салфеткой рот.

– Да ничего. Не похож ты на легата. Скорее на наемника.

– Уж не знаю, радоваться ли мне этому.

– А зачем сейчас вернулся?

– Я... ищу кое-кого. А ты тут давно живешь?

– Всю жизнь.

– Отлично. Тогда скажи мне, пожалуйста, куда из города все собаки пропали?

– О, это все приказ нашего Правителя. Он сказал всех псов перебить в столице. За каждую голову около ста сереб-

ряных назначил.

– Что ему сделали собаки?

– Ему – ничего. Он, конечно, в приказе написал, что все это для того, чтобы очистить улицы. Но лучше б он тогда для той же цели канализацию прочистил, а то мы скоро утонем в дерьме.

Она сделала еще глоток из кружки Инвера и вдруг закашлялась. «Эх».

– Что за бодягу ты пьешь?

– Не нравится – не пей. Так а зачем ему тогда собак перебивать?

– Напрямую об этом не говорят, но все в городе знают, что скоро сюда приедет Даоран со своей псевдомиссионерской миссией. А у этого коротышки страшная боязнь собак. Вот наш Правитель и выслуживается.

– Дааа уж. Дела, – протянул волк. Страх поселился где-то глубоко внутри него. – Но ведь не могли они уже всех перебить?

– Нет, что ты. Собаки умные – уж точно умнее нашего Правителя и стражей. Они ушли за восточную стену. Километрах в пятнадцати есть заброшенная шахта, охотники говорят, они поселились там.

– Спасибо! – воскликнул Инвер, и вскочил, чтобы собраться.

– Эй, не собрался ли ты один туда идти? Псы злые и голодные, они растерзают тебя.

– Не думаю. Я сам немного из их породы, – волк кинул на стол несколько злотых. – Спасибо за беседу.

Девушка усмехнулась.

– Будешь в наших краях – ты знаешь куда идти.

Ловко смахнув монеты себе в карман («И где только на этой тряпке карман поместился?»), она покинула Инвера.

Волк кружил около помеченного дерева уже час.

– Пометили-то, будто они стая и у них есть территория, – фыркнул он. – Если уж у вас все так серьезно, то где ваши патрули? Долго мне еще здесь стоять?

В ожидании волк задремал, свернувшись калачиком под березой. Очнулся он от того, что кто-то настойчиво тыкал его мягкой лапкой в бок. Зверь вскочил и ощерился. Спросонья он никак не мог разлепить глаза и увидеть, кто так отчаянно завизжал.

Когда зрение вернулось к нему, он увидел трех маленьких псов, испуганно жавшихся друг к другу. Утреннее солнце освещало их невыносимую худобу.

«И они все же нашли силы проверить границы. Они сильнее, чем ты хочешь о них думать».

– Эй, спокойно! Черт, вы же не понимаете, – Инвер попытался говорить на Общем языке, но собаки все также не понимающе хлопали глазами и дрожали. Он примирительно поднял лапу вверх. – Патруль, блин. Полудохлики. Как же мне узнать... Но ведь Гера как-то общалась со своим бродя-

гой, да и отец с Таорой. Почему я не спросил их.

При имени Таоры псы перестали дрожать и насторожились. Палевый пес сделал осторожный шаг навстречу волку и склонил голову набок.

– Что? Знаете Таору?

Собаки переглянулись.

– Мнеее нуж-но к нееей, – медленно растягивая слова, Инвер пытался жестами объяснить собакам свою речь. «Выгляжу как идиот».

Но к удивлению зверя, псы его поняли. Они начали медленно двигаться внутрь территории, постоянно оглядываясь и проверяя, идет ли за ними волк. Зверь прислушивался и принимался, но не чуял и не слышал ничего. Когда вдали показались какие-то постройки, двое псов остановились перед Инвером, перекрывая ему дорогу, а третий побежал вперед. При желании, Инвер мог бы перешагнуть этих трясущихся стражей. Но он не желал ссоры.

Вскоре вдали раздался лай. Охранники неуверенно пару раз махнули хвостами и настороженно устали на дорогу, где появилось два силуэта. Тень пониже принадлежала тому дозорному. Но внимание Инвера было приковано ко второй. И чем ближе она подходила, тем понятнее становились слова отца – «Посмотри на себя и увидишь ее». Умом Инвер понимал, что перед ним собака, но вот глаза... впрочем, когда она подошла совсем близко, он отметил, что хвост ее был скручен в баранку, что не встречается у волков, задние лапы

стояли намного ближе к передним, чем того требовала постоянная охота, а одного уха все стремилось согнуться. Но в остальном – за исключением шрама на спине – перед ним стояла его точная копия.

Копия заговорила:

– Как он назвал тебя?

– Инвер.

– Иной веры. Я ожидала подобного.

Волк приоткрыл рот.

– Что? Ты не знал? А как давно отец рассказал тебе про меня?

Голос ее был низким, утробным, но очень мягким и бархатистым. Инвер не понял, на каком языке они общаются. Как и не мог понять, что чувствует к этому зверю. Он ожидал увидеть обычную дворнягу, разочароваться в отце, быстро помочь матери и вернуться домой, но сейчас он не мог отвести от нее взгляда. Собака почувствовала это и смущенно дернула ухом. Воин пришел в себя и заговорил:

– Позавчера. Кое-что случилось...

– Взошла Кровавая Луна. Я тоже ее видела. Я знаю про сон твоего отца.

– Он решил, что у вас серьезные проблемы и послал меня сюда.

– И если ты нашел нас здесь, ты знаешь, что нас выгнали из города. Мои собаки привыкли жить в городе. Да что уж, я сама не умею ничего кроме как шариться по помойкам,

клянчить еду на рынке да гонять кошек. Здесь, в лесу, мы голодаем. Мы не знаем, куда деться. Скоро моя стая просто вымрет от голода.

– Твоя... стая? – Инвер никак не мог понять, откуда у нее повадки волка.

«И внешность волка».

– В городе мы были сами по себе. Но когда пришла беда, испуганных собак должен был кто-то объединить и повести за собой. Они решили, лучше это сделаю я.

Пес, стоявший рядом, согласно тявкнул и потерял головой о ногу своей предводительницы.

– И волк спас собак?

– Я не волк, – мягко улыбнулась мать.

– Сложно в это поверить, глядя на тебя.

– Твой отец тоже сомневался. Мою породу создавали по вашему подобию, чтобы нам было проще выслеживать вас... и убивать. Люди называют нас волкхантеры, охотники на волков.

– И ты... сошлась с моим отцом. Волком.

– Да. Твой отец, Серебряный Принц, был не похож на прочих из вашей породы. Было в нем что-то... – глаза ее затуманились, будто волчица вновь переживала времена их встречи. – Я сбежала из дома в ту ночь, а после не посмела вернуться. С того самого момента я знала, что внутри меня живет не простой щенок. Вернись я домой и оценись там, меня бы выгнали, а тебя утопили. Так что родился ты уже в трущобах.

бах. Я с трудом могла прокормить себя, а уж про тебя и речи не шло. Поэтому я отнесла тебя отцу. Не знаю, простишь ли ты меня за то, что я бросила тебя. Но он пообещал, что там никто не будет знать кто ты, и будут обращаться с тобой на равных. Этим я успокаивала себя. До прошлой ночи. Я ждала тебя как спасителя. И вот ты здесь, живой, красивый, так похожий на меня. И я прошу: спаси нас.

– Я... Я правда не знаю, что и сказать. Все так внезапно. Отец действительно мне ничего не рассказывал. Я привык считать себя чистокровным волком, жил мечтой возглавить стаю, а теперь я здесь, перед своей матерью, которая вроде собака, но совсем на нее не похожа. И я не могу понять, нравится мне это или нет. Все так запуталось... К тому же, я не знаю, не представляю, как могу помочь вам.

– Я понимаю и не даю на тебя. Пройдем домой, там ты сможешь отдохнуть. Как, кстати, ты нас нашел?

– Девушка в таверне подсказала мне, куда ушли псы.

Лицо собаки посуровело.

– Люди знают, где мы. Они придут за нами.

– Не думаю. Им же важно лишь выгнать вас из города.

– Пока за наши головы назначены награды, они будут преследовать нас везде. Алчная порода. Нам надо уходить.

Она повернулась к собакам и что-то быстро и тихо сказала им. Те кивнула и побежали вперед.

– Как ты с ними разговариваешь? – непонимающе наморщил лоб воин.

– Как и с тобой. На равных.

– Что?

– Ты не заметил, что говорим мы с тобой не на общем языке. Не на человеческом и даже не на волчьем, хотя я и его неплохо знаю. Мы говорим на языке животных.

– Но откуда я знаю его?

– Дай подумать. Ты весь покрыт шерстью, у тебя полная пасть клыков и четыре лапы. Кто ты сейчас?

– Животное? – промямлил воин. «*Бинго!*».

– Именно! Все животные знают язык животных. Но говорят на нем только равные. Когда ты признаешь зверя равным себе, он откроется тебе. Иными словами – смирись и стань братом для всех.

– Что-то религиозное, по-моему.

– Этому учит Старец в Обители Мира. Но не обязательно жить там кучу времени, чтобы это понять.

«Передам Гере, вот она обрадуется».

– Достаточно оказаться на улице, в холоде и голоде, и пытаться выжить наравне с другими несчастными. А сейчас идем. Надо представить тебя стае и решить, что мы делаем дальше.

Вскоре они дошли до входа в старую заброшенную шахту. Инвер недоверчиво оглядел покосившийся вход. Балки проросли мхом и лишайником, в углу жирный паук кого-то деловито заматывал в паутину. Таора поймала его взгляд.

– Не бойся. Еще лет десять постоит.

Звери вошли внутрь. Инвер тут же стало душно и захотелось выйти. «Я не привык к помещениям. Волки живут и умирают под открытым небом, а не в банке».

За небольшим коридором, спускавшимся полого вниз, обнаружилась комната, в котором раньше, видимо, ночевали шахтеры. Теперь здесь на полуразрушившихся лежанках и натасканных сюда валежнике и траве устроились собаки. Все они испуганно вскочили при виде волка. Инвер хотел было сказать им, чтобы они не боялись. «Но сейчас я вряд ли считаю их равными. А, значит, просто завою, и они еще больше испугаются».

Заговорила Таора:

– Этого воина зовут Инвер. И он сын двух вожаков. Мой и Тагира, предводителя волков.

Испуганный вдох снова прокатился по рядам псов.

– Он наш друг. Он тот, кто спасет нас. Так сказало Пророчество.

Инвер поморщился.

– А теперь отдыхайте и не бойтесь.

Таора двинулась дальше, поманив за собой Инвера. Когда воины проходили мимо пятнистой черно-белой глубоко беременной собаки, мать перекинулась с ней парой фраз. Собака улыбнулась воину и покорно поклонилась. Инвер неловко кивнул в ответ.

– Идем сюда. Собаки решили, что у меня должна быть отдельная комната.

Они оказались в небольшом закутке, где раньше, видимо, хранили инвентарь. Здесь было не так жарко, но на волка давили стены, и он поежился. Таора улыбнулась.

– Типичный волк. Не можешь находиться в помещении. Отец твой был точно таким же. А я, все-таки собака, до глубины души. Мне нужен дом, – Таора погрузилась. – Всем нам нужен дом.

– Зачем ты сказала им, что я спасу их?

– Потому что так сказала Пророчество.

– Пророчество много чего может сказать. Я не представляю, что делать. Я совсем иначе хотел провести этот год, – в сердцах сказал воин и тут же прикусил язык. Но Таора уже услышала его и переспросила.

– Этот год?

– Да, я... вернулся домой на год. А тут такое...

Таора улеглась на солому и положила морду на лапы.

– Тагир рассказывал мне о предрассудках волков по поводу нас, собак. Поэтому он не взял меня с собой в стаю. Сказал, что его воины не поймут. Видимо, собаки более понимающие. И если ты уйдешь... Никто тебя здесь не осудит.

– Я не говорил, что уйду. Просто я не знаю, что делать.

– Пока Мирана не ощенится, и щенята не откроют глаза, нам все равно не уйти.

Инвер кивнул и вышел из комнаты, вновь оказавшись в общей пещере. Он насчитал двенадцать пар устремленных на него глаз, испуганных, затравленных, молящих. Хозяева

этих глаз отощали и совсем перестали следить за собой. Волк вздохнул и выбрался на улицу. Солнце уже клонилось к закату, но спать Инверу совсем не хотелось.

– Посмотрим, на что способны эти леса.

Большая черная собака проснулась от того, что кто-то упорно тыкался носом в ее пушистый бок. Таора открыла карие глаза и с удивлением увидела склонившегося над ней Инвера с зайцем в зубах. Он бросил дичь возле матери и смущенно пророкотал:

– Я не знал, что ты любишь. Но я люблю зайцев, может, это наследственное у нас.

– Я... у людей я питалась сухими камушками. А на улице отбросами и крысами.

– Оу. Ну, значит, попробуешь, – Инвер зевнул. – Ты не против будешь, если я посплю у тебя? На улице шумно, а в большой пещере слишком душно.

Не дожидаясь ответа, волк тут же повалился на пол и мгновенно уснул.

– Конечно... А почему шумно?

Но воин уже не ответил матери. Та осторожно встала и, обогнув Инвера, вышла на улицу.

– Мастер Таора! Вы только посмотрите, что принес Ваш сын! – тьял старый Марок.

– Мы глазам не поверили! Как можно за одну ночь столько поймать! – восторженно лаяла Асса. – Он у вас просто

нереальный!

У входа в шахту возвышалась куча добычи. Зайцы, белки, мыши, перепелки. Но главное добычей ночи для Инвера стал кабан. Легату пришлось перевоплотиться в человека, чтобы дотащить его до стоянки. Он потратил всю ночь на охоту и сейчас был готов проспать год, но оно того стоило. Впервые за много недель собаки наелись досыта. Таора запретила съедать все сразу.

– Животы заболят. А когда в следующий раз так поедим, тоже неизвестно.

Убедившись, что каждому досталось добычи, собака вернулась в пещеру. Инвер развалился поперек прохода и спал, тяжело дыша. Таора с любовью посмотрела на зверя и, не удержавшись от внезапного приступа нежности, лизнула его в широкий лоб.

– Прости меня. Ты вырос прекрасным зверем. Как жаль, что я этого не видела.

Собака свернулась рядом с воином и весь день следила за тем, как он спит, не в силах покинуть вновь обретенного сына.

Клир III

– Нет, лапы задние ближе друг к другу. Так прыжок выйдет длиннее, – Инвер подвинул лапы бурого песика. Таора, стоявшая рядом, тут же перевела его слова.

Пес послушно склонил голову и прыгнул. Хвост его повело в сторону под конец прыжка, но это было намного лучше, чем в первые дни тренировок, когда каждый второй пес падал на землю после прыжка. После невероятной охоты Инвера, от которой тот отходил сутки, Таора решила, что научиться охотиться должен каждый в ее стае. И теперь волк уже несколько недель учил зверей премудростям выслеживания и убийства. Обучение шло намного лучше, чем он думал. «Все же мы, видимо, действительно родственники. Что подходит волкам, то подходит и собакам, с малыми изменениями. И обучаются они быстро». Действительно, на самостоятельную успешную охоту уже ходили все, кроме старого Марока и Мираны, которая оценилась и теперь ни на шаг не отходила от трех пищащих комочков. Со дня на день комочки должны были открыть глаза, а это означало, что скоро собакам пора было отправляться в путь. На этом особенно настаивал Инвер. Часто после тренировок он уходил охотиться в одиночестве, возвращался всегда с добычей, но в крайне дурном расположении духа. На все расспросы Таоры он отвечал, что устал.

Но дело было не в усталости, а в многочисленных капканах, которые стали появляться на территории стаи. Волк обезвреживал их палками, но на следующий день вместо одной ловушки появлялось две других. Инвер знал, что означает появление ловушек: жители Конора начали на них охоту.

Поэтому новость, украсившая утро одного из августовских дней, чрезвычайно обрадовала его.

– Щенки открыли глаза, – сказала Таора, выходя из шахты. Инвер спал у входа, будучи готовым первым дать отпор врагам и задержать их до тех пор, пока собаки будут убегать через запасной ход.

– Прекрасно. Значит, можно уходить.

– Зачем? – грустно протянула собака и обернулась к лагу. – Здесь тепло, сухо. Много еды. Мои привыкли к этому месту.

«Вот разница между нами. Они готовы довольствоваться чем угодно, называя это домом и храня ему верность. Волкам же всегда нужно большее».

– Здесь опасно. Город совсем близко. Да и помнишь ту девушку, которая в таверне подсказала мне, где найти вас? Если уже она знает, то и другие люди. За вас все еще назначена награда и не маленькая.

Таора засомневалась.

– Но если они столько времени за нами не приходили... Может, они забыли про нас, – с надежной в голосе сказала

Таора.

– Не забыли, – посмурнел воин. – Я не хотел говорить, чтобы не наводить панику. Да и ты, наверное, не говори никому. В лесу появились капканы. Много капканов. Люди начали искать нас.

– Да что же им нейдет все! – в сердцах крикнула собака. – Мы уже и из города ушли, и живем в шахте, до которой им столько лет дела не было, но они и отсюда нас вытравить хотят.

– Деньги. Людьюми руководят деньги.

Собака тяжело вздохнула.

– Никак не могу привыкнуть, что ты наполовину человек.

– Скорее на треть. Волк, собака и человек. Я сам не могу привыкнуть.

– Я так и не видела тебя в человеческом обличьи.

– Поверь, в волчьем я красивее, – Инвер улыбнулся. – Надо сказать остальным, что мы уйдем завтра на рассвете. А сейчас я хочу посмотреть на щенков.

Три шарика выкатились на встречу к волку, когда тот вошел в общую пещеру и тихо запищали, когда зверь наклонился, чтобы обнюхать их.

– Не бойтесь. Я не враг.

Два комочка, мальчик и девочка, были точной копией своей матери – белые, с крупными черными пятнами и розовыми носами, они все делали практически одновременно. Последний же, грязно-коричневый песик, держался обособлен-

но и исподлобья смотрел на воина. Инвер вспомнил, что их отец был убит в тот день, когда стая решила покинуть город. Мирана очень тосковала по своему другу. «Теперь этот малыш будет ей вечным напоминанием, как я для своего отца». Волк поднял морду на мать зверят. Та внимательно следила за его действиями, но совершенно не боялась легата. «Она доверяет мне самое ценное. Я должен не подвести ее».

Неожиданно для самого себя, зверь повалился на спину, поставив живот щенкам. Те с радостным визгом бросились на поверженного воина, кусая его беззубыми пастями и путаясь в длинной шерсти. Таора, которая уже сообщила стае о начале их путешествия, не скрывая своего удивления, следила за сыном. Наконец, с возней было покончено, щенки устали, и, беспрерывно зевая, поползли к матери. Инвер отряхнулся, кивнул Миране и в сопровождении Таоры вышел на улицу. Небо еще было светлым, но солнце поглотили деревья, и первые звезды начали появляться на небе. Чихая от комаров, так и норовивших залететь к нему в нос, и часто оглядываясь на небо, волк поманил за собой мать и стал углубляться в лес. Наконец, найдя удобную позицию, он остановился и задрал морду.

– Смотри. Как раз между верхушками самых высоких сосен. Там звезда, видишь?

После недолго молчания Таора потупила взгляд.

– Теперь нет.

– Теперь? – удивленно переспросил волк.

– Да. С тех пор, как ты пришел. Я знаю, что ты мне хочешь показать. Карин, путеводную звезду. Предание о ней знают не только волки.

– Если честно, я о ней узнал от кошки... А та, в свою очередь, от медведя..., – усмехнулся легат.

– У тебя были интересные друзья, – заметила Таора.

– Да. Я же тебе еще не рассказывал о своем... путешествии.

– Еще нет.

– Что ж... Сейчас, наверное, поздно. Но у нас будет много времени в дороге. Расскажу.

– Договорились. Так что насчет тебя? Ты видишь эту звезду?

– Да. Я думал, она исчезнет, когда я вернусь домой. Но, видимо, моя цель иная.

– Стать вожаком стаи?

Инвер опустил голову.

– Не знаю. Это теперь практически невозможно. Последнее испытание состоится через три дня. И я на него не попаду.

Таора прижалась боком к сыну.

– Мне жаль, что из-за нас...

– Не надо? – резко прервал ее Инвер. Внезапно ему стало очень неудобно, что мать начала оправдываться и просить прощения. «Они просто хотят выжить, а ты – потешить свое самолюбие». – Пророчество есть Пророчество. Я в этом уже

убедился однажды. И ты ничего... – волк замолчал и насто-
рожился.

– Что случилось?

– Люди. Много людей. Охотники.

Последнее слово будто ранило Таору. Из волкоподобной
вожачки она превратилась в испуганную собаку.

– Что делать, Инвер? Что нам делать? – она испуганно за-
сучила лапами. Инвер подошел ближе и строго посмотрел
прямо ей в глаза.

– Иди в шахту. Собирай всех, уходите через тайный ход на
север. Идите и не останавливайтесь. Я задержу их, насколько
это будет возможно. Потом найду вас. Только не попадитесь.

Таора кивнула, ткнулась на прощание носом в бок сына и
убежала. Инвер подождал, пока ее скроют ветви и, обратив-
шись, пошел навстречу охотникам. Ноги его дрожали – воин
хотел думать, что это от того, что он давно не был в челове-
ческом облиции, а не от страха.

Скоро раздались голоса и появились огни факелов. Воин
вышел на их свет, и тут же три арбалета уставились на него.
Легат примирительно поднял руки:

– Тише! Я человек. Охотник.

– Охотник? Все настоящие охотники Конора здесь, – раз-
дался грубый голос из толпы.

Вперед вышел рослый лысый мужчина с огненно-красной
бородой. В одной руке он держал резной топор, а во второй
факел, которым теперь тыкал в лицо Инвера.

– Чего-то не узнаю я тебя.

– Я не местный. Из... северных земель.

– Не похож ты на северянина, – еще больше посуровел бородач и склонился над легатом. «Когда я разучился врать». – А даже коль так, что северянин забыл на юге?

– Я путешествую. Был в столице, услышал в пивной про собак, что обитают они где-то здесь, вот и решил проверить, – как можно беспечнее сказал воин и пожал плечами.

– Вот так в одиночку? Мы месяц готовили эту облаву, нам Правитель с собой галифаксов отрядил какого-то черта, – мужчина неприязненно покосился на трех воинов в форме. Те нахмурились в ответ. – А ты один пошел. И чего нашел?

– Что нет там собак уже. Я всю шахту облазил, никого. Были, наверное, когда-то, но сейчас нет. Никого.

«Зачем я дважды сказал никого».

– Мы, пожалуй, тоже проверим. А там, может, и след возьмем. Куда они ушли. Странно, вчера дозорные говорили, что видели собак в лесу неподалеку. Если они и ушли, то недавно. А значит, мы успеем их догнать.

Волк занервничал.

– Ну, моя помощь вам не нужна, я пойду тогда.

– Зачем же? – преградил ему дорогу воин. – Нам нужны такие храбрые бойцы, что одни на целую стаю собак идут. Пойдем с нами.

Он цепко схватил воина за плечо и чуть не потащил за собой. Инверу пришлось повиноваться. Они шли быстро, на-

много быстрее, чем хотелось бы воину и чем нужно было, чтобы собаки успели уйти. Однако шахта застала их пустой.

– Черт! – выругался охотник. – Клянусь бородой, они совсем недавно были тут. Псиной так и несет. Скорее, разделемся и поищем след. Новенький, как тебя там, ты со мной.

– И я пойду с вами, – вышел вперед галифакс. Он был небольшого роста, с довольно вытянутым лицом, обрамленным длинными светлыми волосами.

Бородач невольно крикнул, но ничего не сказал. Они практически побежали вперед. Рыжебородый периодически поглядывал на легата, проверяя, идет ли тот за ним. Зато галифакс не отводил взгляда от волка. «Может, когда я приходил, чтобы записаться в легаты, он там был и запомнил меня? Лишь бы болтать чего не начал, я же и так заврался». Но страж молчал.

– Стойте! Кажется, кто-то попался.

Инвер прислушался и к своему ужасу услышал знакомый скулеж. Они двинулись вперед и вскоре увидели огромную черную собаку, нервно грызущую капкан, схвативший ее за заднюю лапу. При виде людей пес зарычал и вздыбил шерсть.

– Какая зверюга! Готов поспорить, она не одного человека покусала. А может, и сожрала кого-нибудь. Что ж, боец, как с такой бы справился? Я смотрю, ты без оружия даже.

Инвер замялся.

– Давай живей, прикончи ее или я прикончу тебя. А наш дружок галифакс оформит все, будто ты враг Правителя,

спасал собак. А то мне кажется, ты этим и занимаешься.

Бородач ткнул топором в бок стража и рыкнул на Инвера.

– Ну, не стой же. Прикончи ее, не знаю, придуши. А мы полюбуемся.

Инвер двинулся к собаке. Таора испуганно начала отступать назад, борясь с болью в прокушенной ноге. «У тебя всего несколько секунд, Инвер».

Воин крикнул на Таору, заставив ее отпрыгнуть назад и натянуть цепь. Тут же легат нажал ногой на механизм, открывающий капкан, заставив его отпустить собаку.

– Что ты творишь, урод! – зарычал бородач и пошел на Инвера с топором. Он уже замахнулся для удара, но в последний момент волк обратился и увернулся.

– Я так и думал! Хитрая псина! Думал, я не почувал, как он тебя за версту падалью несет!

Охотник обернулся к Таоре, рядом с которой внезапно оказался. Собака свернулась в комок и не думала убежать. «Не успею», – молнией пронеслось в голове волка. Но вдруг мимо него проскочила белая молния и вцепилась в руку бородача.

– ААААА! Сука! Отпусти!

Молния прыгнула на землю перед Таорой и ощерилась. Белоснежный волк, чуть меньше Инвера, лязгал зубами у ног охотника.

Инвер пришел в себя, прыгнул на мужчину сзади и повалил его с ног.

– Уходи! И больше никогда не трогай собак!

Бородач кое-как выкарабкался из-под легата и чуть ли не на четвереньках побежал к шахте, на ходу осыпая проклятиями весь собачий род.

– Зря ты его отпустил, – заговорил белый волк. – Он не отступится от своей мечты – перебить всех собак. А еще он знает, что собаки и волки теперь заодно. И он знает, где живет Тагир и его стая. Раньше я, как мог, отвлекал его внимание от темы вашей стаи. Но такого оскорбления он не переживет.

– Нашей стаи? – недоуменно переспросил Инвер, принимаясь к чужаку. – Откуда ты знаешь Тагира?

– Я, конечно, отец не очень. Но смотрел за тем, кто и как воспитывает моего сына.

– Харон... – догажка пронзила мозг воина. Белый согласен кивнул.

– Да. Харон мой сын.

– Но ты... – Инвер хотел спросить еще о многом, но воин предупреждающе поднял лапу.

– Я думаю, разговоры подождут. Нам нужно как можно скорее найти остальных собак и возвращаться к твоей стае. Охотники скоро придут и к ним. В общем-то, благодаря нам.

Инвер кивнул. Он подошел к Таоре, до сих пор не проронившей ни слова.

– Ты как? Сможешь идти?

– И не так ломалась, – с трудом, но Таора встала и опер-

лась о бок сын. – Идем скорее. Я вывела их к реке.

– Это хорошо, – вновь подал голос белый волк. – Эта река называется Охметца, по ее руслу можно выйти в лес в четырех лигах от стоянки стаи Тагира уже через пять дней. А если поторопиться, можно успеть и за три.

– Таора ранена, – возразил Инвер. С того самого момента, как было произнесено имя Харона, волка начал раздражать его новый спутник. – Мы не сможем идти быстро.

Белый волк усмехнулся.

– Придется.

Испуганная стая ждала их у реки. При виде нового волка несколько собак предостерегающе зарычало. «Молодцы. Уже не скулят». Таора успокоила стаю и объяснила дальнейший план. Многие были против того, чтобы идти к волкам. Но Инверу удалось убедить их, что вместе им будет безопаснее.

– От людей, может, и да. Но как нас примут сами волки? – спросил Марок, больше всего боявшийся дальнего путешествия.

– Тагир, их вожак, будет рад вас видеть, – ответил Инвер, глядя на Таору. Та отвела взгляд. – А как скажет вожак, так и будет. Идем.

Таора и Инвер пошли вперед. Белый волк вызвался замыкать строй и следить, не будет ли за стаей хвоста. Но легат не доверял новому знакомому и, попросив мать идти одной,

поравнялся со стражем.

– Мы не представились, – холодно заметил Инвер. «Да, он, скорее всего, спас жизнь мне и Таоре, но не в ногах же мне у него валяться?».

– Точно. Амрон. Ты меня никогда не видел, но наверняка слышал имя.

– Ты... вожак вражеской стаи! – у волка отвисла челюсть.

– Был им. Пока твой отец не развязал ту войну.

– В той войне виноват был ты.

– Ха, а ты думаешь, Тагир признался бы. Хотя... я бы тоже не признался. Но ведь можно было решить все миром. Сейчас вспоминаю, из-за чего все началось, даже смешно становится. Несчастный олень, за которым гнался мой волк, перебежал границу, оказался на вашей территории. Закхар прикончил его почти на границе, но Тагир посчитал это оскорблением собственности. Его волки подрали Закхара, тот лишился глаза. Я потребовал извинений, Тагир меня проигнорировал. Так слово за слово, стычка за стычкой, это переросло в настоящее противостояние. Исходом которого стало сражение...

– ... у красного брода.

– Раньше его называли черный брод. Но после всей той крови, что была пролита в ту ночь... Моя стая проиграла. Тагир умел воспитывать воинов. Я не смог смириться с поражением и предпочел умереть для всех. Кроме Финны.

– Сестры моего отца?

– Да. Мы любили друг друга. Разумеется, о нашей связи никто не знал. Я обосновался в городе, она несколько раз прибежала ко мне. Однажды за ней увязался Тагир, видимо, что-то заподозрил. Тогда я попросил своего сторожа подежурить у нашего дома с его собакой. Волкхантером. Собака убежала в ту ночь с этим волком.

У Инвера перехватило дыхание.

– Таора...

– Да. Поэтому, когда я увидел ее сегодня, а затем тебя, так похожего на нее, я все понял. Она меня не помнит, мы почти не пересекались. Да и собаки – глуповатый народ, если честно.

Инвер почувствовал, как начала приподниматься шерсть у него на загривке. Собеседник, также заметивший это, продолжил.

– Но, так или иначе, собака сбежала. А мне в эту ночь приснился странный сон. Будто я – или кто-то на меня чрезвычайно похожий стоит на вашей скале, с которой обычно вещал Тагир, позади него, то есть меня, то есть какого-то белого волка, сияет огромная красная луна, и голос, неизвестно откуда, рокошет...

– Когда Луна больше не сможет взирать на боль и страдания своих детей, она выколет себе глаза. Тогда и явится несущий в себе кровь двух родов и увидит новый путь для сирот, – продолжил Инвер. К его удивлению, волк помотал головой.

– Не совсем. Про выколотые глаза – да. Но дальше – тогда и явится чистый кровью, душой и телом и вернет к жизни исчезнувшее. Я много думал над этим пророчеством и не понимал его. Но когда Финна сообщила, что ждет щенка, все стало ясно. Она хотела окончательно сбежать ко мне и воспитывать ребенка вместе, но я настоял, чтобы он родился и остался в стае. Так и случилось. Волчонка назвали Харон, Финна взяла с Тагира обещание, что тот вырастит его как собственного сына и сбежала ко мне. Но наше счастье было недолгим. Через пару лет она снова забеременела, но сил выносить ребенка у нее не хватило. Они погибли, а я подался в стражи. Но все это время я следил за своим первенцем.

– Он шпионил для тебя?

– О нет, – казалось, Амрон оскорбился таким предположением. – Он даже не знает о моем существовании.

– Тогда зачем ты идешь с нами?

– Я хочу познакомиться с сыном. Думаю, время пришло.

– Ты же знаешь, сейчас идет битва за звание вожака. И что, скорее всего, в ней победит Харон.

– А вдруг ты? – хитро прищурился волк.

Инвер не ожидал такого ответа.

– Все равно. Зачем тебе возвращаться в стаю своего врага?

– Я думаю, что обижаться можно было только мне. В конце концов, половина моей стаи была убита, а другая была вынуждена перейти под власть Тагира. Я не виню его, он прекрасно обращался все это время с чужаками. Поэтому, я ду-

маю, нам есть что обсудить. Ну а если пророчество сбудется, и мой сын встанет на скале вожака, я буду лишь рад. Думаю, Харон достоин этого.

– Луна скажет, – откликнулся Инвер. Голова у него уже раскалывалась от всей новой информации. «То есть мы с Хароном появились в одну ночь. И получили похожие пророчества. И как нам теперь делить скалу? Или нам вместе править придется? Что вообще происходит».

Волк заметил, что они уже порядочно отошли от места стычки с охотниками, и что псы стали идти заметно медленнее, чаще спотыкаться и зевать на ходу.

– Надо сделать привал.

Услышав заветное слово, ближайšie к Инверу два пса тут же опустили на землю.

– Отойдите хотя бы от реки. Тут сыро, завтра будет ломить кости.

– Они не понимают... – начал было Инвер, но, к его удивлению, собаки что-то ответили Амрону и начали подниматься на берег. – Но как?

– Общение на равных.

– Это я знаю. Ты считаешь их равными?

– Ну да. В этом ничего сложного. Когда жизнь лишает тебя всего, ты чувствуешь себя равным падали. Сильно отрезвляет и заставляет на многое взглянуть иначе это чувство. Благодарю Луну, что ты еще с ним не сталкивался. Доброй ночи.

Белый волк скользнул в лес. К Инверу подошла мать:

– Как поговорили?

– Ох... Ты даже не представляешь, как все сложно.

– Расскажешь?

– Давай завтра. Сейчас я уже не в состоянии. Слишком

много всего.

– Хорошо. Доброй ночи, Инвер.

– Доброй ночи, ма.

Волк испуганно прикусил язык и оглянулся на Таору. Та приоткрыла пасть и, не зная, что сказать, просто хлопала глазами.

– Ну... в общем... давай, – легат поспешил закончить неудобный разговор.

Клир IV

Собаки, подстегиваемые страхом быть нагнанными охотниками, шли быстро и тихо. Отдыхала стая по ночам, охотились в основном волки на рассвете. Инвера по-прежнему напиргал Амрон, но, надо было отдать ему должное, за многие годы бытности человеком, тот не растерял прыти и навыков. Иногда Инверу казалось, что белый хочет посоревноваться с ним в ловкости. Но у Амрона всегда было такое бесстрастное выражение лица, что легату становилось неловко за свою горячность.

В обед четвертого дня белый волк сказал, что им пора сворачивать в лес.

– Еще пару лиг и мы на границе.

Инвер почувствовал неприятное жжение за грудиной. «Но я же не боюсь! Отец сам сказал, что я должен им помочь. А единственный способ это сделать сейчас – привести в стаю. К тому же, охотники угрожают всем. Это общая проблема».

«Стала общей. Благодаря тебе».

«Но отец сам меня направил к собакам!».

За такими размышлениями и внутренними спорами волк не заметил, как они вышли к границе.

– Будет лучше, если ты приведешь сюда отца. А то такая свора на границе может навести на неправильные мысли, –

посоветовал Амрон. Легат скрипнул зубами от того, что чужак снова решил ему указывать, но решил, что это верное замечание и согласился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.